Океан мировой

океан мировой, в мифопоэтической традиции первозданные воды, из которых возникли земля и (шире) весь космос. Океан (О.) выступает как стихия и заполняемое ею пространство, а также в различных олицетворённых формах (в облике божественных персонажей и связанных с хаосом чудовищ) и как некий абстрактный умозрительный принцип.

Согласно типологически весьма архаичной концепции, О. — одно из основных воплощений хаоса или даже сам хаос; О. был «вначале», до творения, которое ограничило О. во времени и в пространстве, но космосу (уже — земле) предстоит погибнуть в результате катаклизма от О., его вод (или от огня, ср. эсхатологическую концепцию в 2 Петр. 3, 5—7), и воды О. снова станут единственной стихией — субстанцией в мире (ср. «Последний катаклизм» Ф. И. Тютчева: «Когда пробьёт последний час природы, Состав частей разрушится земных: Всё зримое опять покроют воды И божий лик изобразится в них»). О. как пребывающее в хаотическом движении первовещество находится везде.

Он безграничен, не упорядочен, не организован, опасен и ужасен, аморфен, безвиден (иногда отмечается его какофоничность, противопоставленная упорядоченному ритму моря). Во многих древнейших космогонических версиях О. и хаос неотделимы друг от друга, равнозначны.

В пределах этой концепции О. остаётся вне космоса и после его возникновения. Однако его способность к порождению реализуется в появлении из О. земли и т. п. и в нахождении в глубине О. некоего мифологического существа, способствующего порождению или, наоборот, ревностно защищающего «старый» порядок и препятствующего началу цепи рождений из О. Согласно шумерской космогонии, вначале все мировое пространство было заполнено О. Он не имел ни начала, ни конца, вероятно, он мыслился вечным.

В его недрах таилась праматерь Намму, в чреве которой возникла космическая гора в виде полушария, в будущем ставшая землёй, а дуга из блестящего олова, опоясывающая полушарие по вертикали, позднее стала небом. Согласно вавилонской версии мифа

творения, в бесконечном первозданном О. не было ничего, кроме двух страшных чудовищ — праотца Апсу (см. Абзу) и праматери Тиамат.

В древнеегипетской космогонии изначально существует О., персонифицируемый в образе Нуна. Из первозданного О. Нуна создаёт сам себя также первозданный, изначальный, нерукотворный владыка Атум, затем творящий из Нуна небо, землю, змей и т. п.

В историческую эпоху О., по представлениям египтян, помещавшийся под землёй, давал начало Нилу, порождению Нуна. В гераклеопольской версии мифа отмечается внутренняя связь О. с хаосом.

Для многих азиатских традиций, исходящих из идеи бесконечного и вечного первозданного О. (или моря), характерен мотив сотворения земли небесным существом, спустившимся с неба и ставшим мешать воду О. железной палицей, копьём и т. п., в результате возникает сгущение, дающее начало земле [ср. монгольскую версию подобного мифа творения или мифологическую схему происхождения островов Японии из грязной пены, поднятой при мешании вод О. копьём божественного персонажа (см. Идзанаки и Идзанами)]. В мифологиях монгольских народов роль уплотнителя вод О. выполняет ветер, создающий из них особую молочную субстанцию, становящуюся земной твердью; по представлениям калмыков, из такой молочной жидкости первоначального О. (моря) со временем родились растения, животные, люди и боги.

Эти версии обнаруживают связь с индийским мифом о пахтанье О. (см. в статье Индуистская мифология). В этом мифе содержится мотив противоборства стихий воды и огня: от быстрого вращения загорается мутовка — гора Мандара, деревья и травы испускают свои соки в подсыхающий О. С этим мотивом перекликаются тунгусские версии мифа о творении земли небесным существом, которое с помощью огня иссушает часть первозданного О., отвоёвывая место для земли.

Идея борьбы воды и огня в связи с темой О. получила развитие в разных традициях. Характерно также, что мифы о мировом О. повсеместно сопровождаются мифами о сдерживании О., когда уже создана земля, и мифами о попытках О. вернуть себе безраздельное господство.

Ср. китайские мифы о наличии гигантской впадины или ямы, определяющей направление вод О. и забирающей излишки воды, или многочисленные сказания о потопе. Примечательно противопоставление двух типов мифов (например, в Океании) — о земле, тонущей в О. (ср. легенду о возникновении острова Пасхи, записанную на этом же острове), и об отступлении О. или моря.

В нганасанском мифе творения сначала вся земля сплошь покрыта водой, потом вода спадает и обнажает вершину шайтанского хребта Койка-моу, на которую падают два первых человека — мужчина и женщина. В полинезийском мифе творения (острова Туамоту) творец Тане, «Проливающий воды», сотворил мир в водах Пуне, владыки вод, и призвал свет, положивший начало творению земли.

Древнеиндийские представления об О. содержат как типические, так и оригинальные мотивы. В гимне о сотворении мира (РВ X 129) начало рисуется как отсутствие сущего и не сущего, воздушного пространства и неба над ним, смерти и бессмертия, дня и ночи, но наличие воды и беспорядочного движения.

В этих водах извечного О. заключалось жизнедеятельное начало, порождённое силой жара и породившее всё остальное. Гимн о космическом жаре (X 190) предлагает несколько иную версию: «Закон и истины родились из воспламенившегося жара… Отсюда — волнующийся океан.

Из волнующегося океана родился год, распределяющий дни и ночи…». В «Ригведе» не раз говорится о порождающей силе О. (он — «иногородний», он ревёт при своём первом распространении, порождая творения, он — носитель богатств), о его тысячах потоков, текущих из глубины, о том, что О. — супруг рек.

Сам Варуна олицетворяет космический О., образующий рамку космоса, отделяющую его от хаоса. Варуна связан и с разрушительной и как бы бесконтрольной силой вод мирового О., и с плодоносящими водами, несущими людям богатство.

Древнегреческие представления об О. фиксируют типологически более продвинутый этап, когда мифологизированный образ О. становится объектом «преднаучных» исследований и натурфилософских спекуляций. О. у греков — это прежде всего

величайшая мировая река (Hom.

Il. XIV 245), окружающая землю и море, дающая начало рекам, источникам, морским течениям (XXI 196), приют солнца, луны и звёзд, которые из О. восходят и в него же заходят (VII 422; VIII 485). Река О. соприкасается с морем, но не смешивается с ним.

Если у Гомера О. безначален, то у Гесиода речь идёт о «ключах океанских», у которых был рождён конь Пегас, получивший от них и своё имя (Hes. Theog. 282). У Гомера и Гесиода О. — живое существо, прародитель всех богов и титанов (Hom.

Il. XIV 201, 246), но и у О. есть родители. По Гесиоду, О. — сын старейших из титанов Урана и Геи. Боги почитают О. как престарелого родителя, заботятся о нём, хотя О. живёт в уединении.

У Геродота содержится критика мифологической концепции О. как поэтического изобретения (Herodot. II, 23, ср. также IV 8, 36 и др.). Еврипид называет О. морем (Eur. Orest. 1376).

С этого времени утверждается тенденция к различению большого внешнего моря — О. и внутренних морей. Позже и О. начинает члениться на части (Эфиопский, Эритрейский, Галльский, Германский, Гиперборейский О. и т. п.).

Тем не менее, и в средние века О. известен главным образом со своей мифологизированной стороны — гипертрофированные размеры и опасности, чудовища, кромешная тьма и т. п. В эпоху Великих географических открытий, начавшуюся с XV в., постепенно складывается особый вариант «океанической» (морской) мифологии, прежде всего среди мореплавателей, которая строится на синтезе богатого арсенала мотивов, связанных с опасностью О., и новых мотивов, отражающих приобретённый опыт морских путешествий (невиданные страны, заколдованные острова, ни на что не похожие люди, сказочные сокровища, таинственные корабли без экипажа, с покойниками, наподобие «Летучего Голландца» и т. д.).

Романтическая традиция развивает главным образом два круга тем, связанных с О. и его водами: человек и море [в плане антитезы с постепенно вырисовывающейся идеей родства в свободе, ср. разработку этой темы у И. В. Гёте, Г. Гейне, Дж. Байрона, П. Шелли, Дж. Китса, В. Гюго, Ш. Бодлера, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева и др. (существенно, что море здесь полностью отождествляется с О.)] и вода как первородная космическая творящая стихия [ср. о воде как о стихии слияния, сладострастия у Новалиса («Ученики в Саисе»), тему воды во второй части «Фауста» Гёте или мифологему воды и огня там же, а позже у Р. Вагнера]. Во многих отношениях сходные архаические и романтические представления об О., как рамкой, охватывают эпоху, когда демифологизирующийся образ О. превращается в элемент полумифологизированного пространства, выделяя при этом из себя многочисленные персонифицированные образы О. или моря (ср. Посейдон, Нерей, нереиды и среди них мать Ахилла Фетида, Амфитрита, Понт, Форкис, Тавмант, Тритон, Афродита Понтия и т. п. у древних греков; Маруты у древних индийцев и т. п.).

С этими персонифицированными образами моря (или О.) связано большое число сюжетов. См. также Вода, Река. Литература:Gaerte W., Kosmische Vorstellungen im Bilde prähistorischer Zeit.

Erdberg, Himmelsberg, Erdnabel und Weltströme, «Anthropos», 1914, Bd 9, S. 956—979;Kayser O., Die mythische Bedeutung des Meeres in Ägypten, Ugarit und Israel, B., 1959 (Beihefte zur Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft, v. 78);Leach M., The beginning: creation myths around the world, N. Y., 1956;Long Ch. H., Alpha: the myths of Creation, N. Y., 1963;Schier K., Das Erdschöpfung aus dem Urmeer und die Kosmogonie der Völospa, в сборнике: Märchen, Mythos, Dichtung, Münch., 1963;Warren W. F., The earliest cosmologies, N. Y., 1909;Jobes G., Dictionary of mythology, folklore and symbols, pt. 2, N. Y., 1962.